

В. Н. Земцов
Екатеринбург, Россия

РОССИЯ ГЛАЗАМИ НАПОЛЕОНА

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена характеру представлений Наполеона Бонапарта о России и русских. Автор приходит к выводу, что эти представления имели в своей основе суждения французских просветителей XVIII в. о разделении мира на «варварство» и «цивилизацию». Россия в этой схеме находилась на европейской периферии, что позволяло ей развиваться за счет тех импульсов, которые шли от сердца Европы и которые постепенно, но очень медленно, вытесняли из ее естества азиатчину и деспотизм. По мнению Наполеона, к началу XIX в. Европа оказалась перед решением грандиозной задачи обретения своего цивилизационного и политического единства. Однако Россия была не готова принять подобный императив и превратилась тем самым в главное препятствие на пути европейского прогресса. Обладая рядом благоприятных для нее геополитических характеристик, соединенных с полупримитивным уровнем общественной жизни и общественного сознания, Россия смогла не только воспрепятствовать вытеснению ее из мировой политики, но и навязать Европейскому континенту свое доминирующее господство. Подобные взгляды на Россию и на ее место в европейском и мировом пространстве, рожденные еще в XVIII в. и закреплённые гением Наполеона, будут в дальнейшем воспроизводиться на протяжении 200 лет вплоть до сегодняшнего дня.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ России; Наполеон; эпоха Наполеоновских войн; имагология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории; Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 451; профессор кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет; 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

Французский император Наполеон I является единственным персонажем мировой истории, имя которого известно во всех странах на всех континентах. История его жизни, его планов и его деяний описана, казалось бы, исчерпывающим образом. Однако в реальности это не так. Авторы, беллетристы и историки, политики и журналисты склонны, как правило, воспроизводить устоявшиеся суждения и стереотипизированные мифы [см. Постникова 2015; Постникова 2016]. Это относится в том числе и к теме восприятия Наполеоном России и русских. Так, один из ведущих отечественных историков, оставивших немалое количество публикаций, посвященных наполеоновской тематике, уверял, будто Наполеон слабо представлял географию Российской империи, руководствуясь в 1812 г. картами, на которых сразу за Уралом начинался Китай [Сироткин 2000: 16]. По его же мнению, в знаменитой «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», ставшей основой представлений о мире для людей поколения молодого Наполеона Бонапарта, не было даже упоминания о России [Сироткин 2000: 17]. В действительности это было далеко не так.

Начнем с того, что во французской «Энциклопедии» была даже специальная статья, написанная Л. де Жокуртом и озаглавленная «Россия». Наряду с трудом Вольтера, посвященном Петру Великому, автор использовал по крайней мере еще французские переводы книг английского инженера и путешественника Д. Пери и шведского полковника, взятого в плен под

Полтавой и прожившего в Сибири 13 лет, Ф. Страленберга [см. История: 175—183, 287—289].

К концу XVIII — началу XIX в. в Европе, в том числе во Франции, о России знали уже немало, прежде всего благодаря литературе — от воспоминаний бывшего французского посла в Петербурге Л. Ф. Сегюра (его племянник Ф. П. Сегор станет известным мемуаристом Русского похода) до обширных исторических сочинений на французском языке по истории России, примером чему может служить многотомная работа П. Ле-века «История России», выдержавшая несколько изданий. Образованная французская публика активно знакомилась с географией, государственным строем и устройством России, а также с народами, ее населявшими, через работы немецких ученых. Так, среди множества бумаг, которые были захвачены русскими войсками во время отступления Наполеона из России, оказался массивный рукописный фолиант, называвшийся «Статистический очерк Российской империи». Он был составлен прежде всего на основе работ немецких исследователей И. Г. Хасселя, Г. Шторха и К. Плото, вышедших в XVIII — самом начале XIX в. Наряду с подробными общими сведениями о России, эта книга содержала самые разнообразные данные и об отдельных регионах империи. Приведем в качестве примера материал об Урале. В общем обзоре страны авторы «Очерка» отметили, что «русское правительство расценивает Уральские горы в качестве естественной границы между Евро-

По материалам X Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (26—30 сентября 2016 г., Екатеринбург). Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта «Иностранная оккупация как опыт межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн» (проект № 16-18-10041).

© Земцов В. Н., 2016

пой и Азией». Перечислялись отдельно губернии азиатской России: Пермская, Оренбургская, Тобольская, Томская и Иркутская, «которые носят общее название Сибирь». При характеристике Пермской губернии, например, указывалось, что она составляет 5954 квадратных мили, или 16 541 лье, и подразделяется на 12 уездов — Пермский, Кунгурский, Красноуфимский, Осский, Оханский, Соликамский, Чердынский, Екатеринбургский, Камышловский, Шадринский, Ирбитский, Верхотурский. В качестве 13-го уезда к этому списку был по не вполне понятной причине добавлен Киргишанский. Авторы фолианта отдельно останавливались на описании Уральских гор (*les Mounts Oural*), «которые образуют естественную границу Европы и Азии, разрезают Россию по всей ее ширине и протягиваются на более чем 300 миль, или 500 лье». Была приведена даже этимология самого топонима: «Урал, на языке башкир и татар, означает центр земли... Русские также... называют его еще Каменный и Земной Пояс (*Kamennoi et Zemnoi-Poias*)». Далее следовало почти художественное описание Уральских гор: «Основная часть этой огромной цепи, начинающейся между Каспийским морем, Аральским озером, расстилающаяся от Оренбурга до Перми, между Тобольском и Архангельском до Карского (*Karich*) залива, образуя Ледовитое море Павла (?), и разветвляясь разными образами на Восток и на Запад, замечательна». Имелись также многочисленные данные об Урале геологического и гидрографического характера: «Плато сформировано в основном гранитом, на склонах есть... кварцы и разные минералы, свойственные основным горным породам. Основа состоит из гравия, глины и из песка, но этот порядок не обязательно в точности такой. Возвышаются некоторые вершины. Павдинская имеет высоту 6397 футов, или 1060 туазов, над уровнем Каспийского моря. Из всех гор России эти горы Урала наиболее богаты. Они изобилуют прекрасными породами гранита или порфира... красивым кварцем, отборной нефтью, щебнем, точильным камнем, кремнем, халцедоном, большими кристаллами горного хрусталя, топазами, прекрасными аметистами, хризолитами; в земле имеются залежи фарфора, жирной глины, железного шпата, змеевика, слюды, асбеста, изящного мрамора, гипса, плавикового шпата, минеральных масел, каменного угля... Они богаты рудным золотом, серебром, медью, железом, которые прекрасно разрабатываются. В скалах имеются многочисленные пещеры, находящиеся на склонах. Сами горы покрыты лесом. Сверх того замеча-

тельны в этой цепи многочисленные водоемы, полные рыбой, и очень чистые. Главные водоемы и реки, которые там протекают, — Сосьва, Исеть, Уй, Тобол, Эмба, Урал, или Яик, Белая, Чусовая, Кама, Печора, Большая (?! — *la Bolchaïa*). В тексте также содержатся неполные и не во всем точные сведения о Северном Урале, «который занимает территорию от Ледовитого моря до реки Тавды» и к которому авторы отнесли также «цепь Новой Земли». Видимо, с целью придания этнического колорита имеется указание на то, что «Урал — это страна башкир (*Bachire*)». Наконец, отмечая культурное значение Урала, авторы вновь подчеркивали, что «Урал, помимо прочего, сегодня является демаркационной линией между европейской цивилизацией и грубостью дикаря (*l'homme sauvage*)» [Essai].

В целом тот факт, что в работах и сохранившихся письмах юного Наполеона Бонапарта не встречалось упоминания о России [см.: Masson, Biagi 1895; Chuquet 1897—1899; Tomiche 1962; Casanova 2008], вовсе не означал, что он ничего не читал и не имел представления об этой стране. Из последующих работ, писем и высказываний Наполеона очевидно, что его знания о России не только не уступали, но значительно превосходили знания и представления среднего образованного француза эпохи Просвещения. Общеизвестным является и тот факт, что в трудное для себя время, в 1788 г., молодой лейтенант Бонапарт даже пытался поступить на русскую службу.

В дальнейшем, став первым человеком Франции, Наполеон активно консультировался в отношении России со многими лицами, побывавшими и даже жившими в ней. Помимо Ф. П. Сегюра, это были Ж. Б. Б. Лессепс, поверенный в делах Франции в Петербурге в 1802—1812 гг., Л. Ф. Э. Лелорнь д'Идевиль, ставший в 1812 г. секретарем-переводчиком императора, и многие другие. Особенно большая работа по сбору всевозможных сведений о России была проделана накануне похода 1812 г. (в российских и французских архивохранилищах хранится обширная документация о России, аккумулярованная Наполеоном — от маршрутов до статистических сведений и исторических справок). Император сам лично также занимался в этом плане «самообразованием» — в сборнике его «Корреспонденции» помещено письмо библиотекаря Барбье от 19 декабря 1811 г., в котором Наполеон требовал из библиотеки всё, касавшееся кампании Карла XII в Польше и России [Napoléon I. 1868: 95], а затем, в Дрездене, в мае 1812 г. он «позаимствовал» всю литературу о Рос-

сии и Польше из библиотеки саксонского короля.

О том, насколько хорошо представлял Наполеон русскую историю, говорит хотя бы своеобразный монолог, произнесенный им 15 октября 1812 г. в Московском Кремле, за несколько дней до выхода из русской столицы [Villemain 1856: 225—230]. После довольно долгих рассуждений об искусстве театральной трагедии Наполеон обратился к личности Петра Великого. «Какую трагедию, к примеру, талантливый человек... создал бы из Петра Великого, этого гранитного человека, [мощного], как фундамент Кремля, человека, который основал цивилизацию в России и определил вхождение России в Европу и который заставил меня, через век после своей смерти, предпринять эту ужасную экспедицию. Я не могу сдержать своего восхищения, когда я думаю, что именно в этом дворце 20-летний Петр, не имея возможности получить чей бы то ни было совет, почти без образования, перед лицом Регентши-правительницы и старой партии, которая все контролировала, оспаривала и ограничивала возможности его правления, взял власть и, думая сделать Россию победоносной и захватнической, начинает с уничтожения *стрельцов*, этой непослушной милиции, которая представляла собой единственную силу империи. Какой пример нравственной силы! Как было бы хорошо увидеть на сцене этого молодого Принца, который, как считали, был склонен к грубым удовольствиям и который приводит в исполнение 18 брюмера при своем Дворе, отправляет гордую Софью в монастырь, затем закладывает основания мира и, одновременно с военной интервенцией в Польшу и Саксонию, создает Армию, Флот и закладывает новую столицу России. Что касается до собственно гения Петра Великого, то он не был хорошо понят. Не заметили, что он обладал тем, чего в большинстве не достает великому человеку, рожденному на троне, — славы быть парвеню и тех испытаний, которых эта слава стоит. Петр Великий добровольно стал лейтенантом артиллерии, кем был и я. Это не была комедия. Он покинул страну с тем, чтобы избавить себя на некоторое время от короны, дабы изучить обыкновенную жизнь и вновь подняться, на этот раз до величайшего уровня. Он сам сделал то, что дала мне судьба: вот то, что выделяет его из ряда государей по рождению! И, между тем, какие испытания выпали на долю этой судьбы и этого гения! Подумайте, как на берегах Прута тот же самый человек, во главе армии, которую он создал, допустил окружить себя, допустил, чтобы его заставили голодать и

едва не взяли в плен турецкой армией? Такие вот необъяснимые затмения случаются с величайшими людьми: это Цезарь, плохо начавший дело и осажденный в Александрии жалкими египтянами. Но Цезарь взял реванш; и человек гения всегда найдется, как после совершенной ошибки, так и после случившегося несчастья».

В целом очевидно, что Наполеон достаточно хорошо представлял как географию, так и историю России. И все же многие реалии, с которыми французскому императору пришлось столкнуться в России, не могли быть адекватно соотнесены с традиционным набором понятий человека эпохи французского Просвещения. Так, во французском языке не было точных эквивалентов для обозначения таких явлений, как «изба», «усадебка» (французы употребляли слово «château», нередко добавляя определение: «русское шато», подчеркивая тем самым разницу), «помещик», «крепостной», «мужик» и т. д. Но главная проблема заключалась в том, что российские реалии оценивались Наполеоном исключительно через призму глобальной геополитической задачи вытеснения России из европейского политического и даже цивилизационного пространства.

Накануне вторжения в Россию министр иностранных дел Франции Г. Маре, герцог Бассано, в обширной записке, помеченной 21 июня 1812 г., сформулировал на основе предложенных ему Наполеоном принципов задачи. Записка Маре начиналась с того, что прослеживала длительные усилия Франции, направленные на установление прочного мира в Европе. После военных поражений России в 1805—1807 гг. и подписания Тильзитского договора появились контуры континентальной системы в форме Европейской федерации. Однако Россия, которая стала к 1807 г. частью этой континентальной системы, последовательно начала отходить от ее принципов по целому ряду направлений, в том числе по отношению к великому герцогству Варшавскому, Пруссии, проблеме Греции, режиму заморской торговли. В конечном итоге Россия оказалась в фарватере английской политики и стала превращаться в главного континентального противника Франции. Записка подробно освещала, неизменно указывая на неконструктивные, а то и злонамеренные действия Санкт-Петербурга, как начиная с середины 1811 г. в негативном ключе происходило развитие францозско-российских отношений. Бассано особо останавливался на миролюбивой позиции Франции, предложившей к апрелю 1812 г. возобновление контактов с Англией. Но и этот демарш остался без ответа со

стороны России. Более того, русский посол потребовал паспорта для выезда из Франции. Подходя к завершению, Бассано отметил, что в настоящее время «победоносные армии Вашего В-ва выполняют миссию возвращения России к миру». Если же, отмечал он, не восстановить «фундаментальные основы Тильзита», Россия пойдет на мир с Англией и начнет беспредельное расширение своей экспансии по миру, прежде всего в направлении Турции, Греции, великого герцогства Варшавского. Все это, считал Маре, вызывает необходимость создания против России барьера в Европе, и приходил к выводу о неизбежности объявления против нее войны [АМАЕ]. В течение 1812 г. Наполеон неоднократно использовал фрагменты этой записки в своих посланиях.

Таким образом, по мнению Наполеона, установление прочного мира в Европе на основе абсолютного доминирования Франции было связано с вытеснением России из большой европейской политики. Документ, обнаруженный русскими войсками в 1813 г. в бумагах поверенного в делах Франции в Берлине г-на Лефедюра, идеи которого подтверждаются другой документацией, ясно определял рамки планируемой Наполеоном новой европейской конфигурации. В документе говорилось, что Наполеон должен был стать главой Европейской континентальной конфедерации, которая, в свою очередь, должна была функционировать на основе признания полной свободы и независимости во всех сферах (административной, военной и коммерческой) оставшихся за ее пределами стран, а именно шведской, датской и турецкой монархий и республиканских США. Предполагалось достижение универсальности для всех стран коммерческих отношений на суше и на море, а также признания всех захватов, сделанных как Францией, так и Великобританией после 1809 г. Для достижения компромисса на этой основе для стран, не входящими в Европейскую конфедерацию, предусматривалась широкая система компенсаций. Реализация этих положений, при военном доминировании Франции, по мысли составителя документа, должна была привести к росту коммерции, процветанию и ликвидации войн. О России в этой системе документ умалчивал [РГАДА]. Главные положения этого документа достаточно четко укладываются в контекст общих настроений Наполеона. Россия должна была быть вытеснена из большой европейской политики и, уже совершенно определенно, конечно, не могла быть включена в наполеоновскую конфедерацию или федерацию. «Всякий мог ясно видеть, что Россия была

слишком сильна, чтобы войти в новую, преобразованную систему Европы, стержнем которой была Франция». «Мне должно было вытеснить Россию из Европы, чтобы она не нарушала единства моей системы, и дать этому новому политическому разделению довольно сильные границы, чтобы противостоять могуществу российской державы», — так позже интерпретировал планы Наполеона в 1812 г. известный военный теоретик А. Жомини [Жомини 1844: 246—247]. Более того, борьба с Россией и русскими мыслилась как важнейший фактор сплочения остальных народов континента. «...Я поведу за собой всю Европу», — сказал Наполеон известному деятелю I империи Ж. Фуше перед походом в Россию [Fouché 1824: 114]. «...Я шел на Россию во главе остальной Европы, — говорил он на острове Св. Елены. — Начало было популярным, дело было европейским. Это было последнее усилие, которое оставалось сделать Франции... Россия была последним ресурсом Англии. Всеобщий мир был в России, и успех предприятия был несомненен» [Las Cases 1823: 472].

В соответствии с установками Наполеона активно работала и пропагандистская машина, последовательно конструируя «образ врага». Образ этот оказался достаточно традиционен: противник агрессивен, опасен, он — варвар, он упорен, но это упорство связано с дикостью, забитостью, воздействием религиозной пропаганды или пьяного угара. «Образ врага» формировался безликим, в виде орды, которой нужно противостоять всем европейцам. Примером использования подобных штампов может служить так называемый «Ответ французского гренадера», написанный самим Наполеоном на русскую прокламацию, попавшую в ходе военных действий в войска Великой армии 18 июля 1812 г. В своем «ответе» Наполеон несколько раз подчеркнул, что солдат Франции — «свободный» и что «он повинуется только чести и закону». Этому противостоит «крепостничество и рабство» России, «скотское существование» русских солдат, основой дисциплины которых является «страх», «но не честь». Призвание солдат Великой армии заключается в том, чтобы уничтожить «рабство в русской империи», «восстановить права ее подданных, когда каждый крестьянин станет субъектом и гражданином государства, станет господином своего труда и своего времени, и он не будет больше собственностью своего господина, подобно быку или лошади» [Chuquet 1912: 35—39].

Нетрудно заметить явное противоречие между пропагандистскими заявлениями, исходившими от Наполеона, предназначавши-

мися для своих же солдат, и теми реальными шагами французского императора, которые могли из этого следовать. Уверенность Наполеона в слабом развитии общественной жизни и сознания русских прямо накладывалась на египетский и испанский опыт императора. И это заставляло его изначально почти полностью исключить социальный аспект из Русской кампании. Если Наполеон и обращался в 1812 г. под давлением обстоятельств к мыслям о возможности каких-либо радикальных мер в отношении крепостничества, то здесь же от них отказывался.

Находясь к концу своей жизни в изгнании на о. Св. Елены, Наполеон многократно обращался к теме России. 6 ноября 1816 г. поверженный император начал свои рассуждения о России с оценки ее географического положения, отметив «ту легкость, с которой эта держава могла завоевать Индию или даже Китай». «Затем император обратился к обсуждению того, что он назвал благоприятным положением России по сравнению с остальной Европой; он также говорил об огромной людской массе, которой Россия располагала для вторжения в Европу. Эту державу, сказал он, расположенную под Северным полюсом, поддерживает вечный ледяной бастион, который, в случае необходимости, сделает ее неприступной. Россию, подчеркнул император, можно атаковать только в течение трех-четырех месяцев в году, в то время как в ее распоряжении круглый год, целых двенадцать месяцев, чтобы напасть на нас. Ее враги сталкиваются с суровым и холодным климатом, обещающим одни лишения, и с бесплодной почвой, в то время как ее войска, хлынувшие на нас, пользуются плодородием и изобилием наших южных районов. К этим географическим обстоятельствам, продолжал император, можно добавить преимущество России в виде огромного населения, храброго, закаленного, преданного своему монарху и послушного, включая те многочисленные дикие орды, для которых лишения и кочевой образ жизни являются естественным состоянием» [Лас-Каз 2010: 445].

Подведем итоги. Представления Наполеона о России имели в своей основе суждения французских просветителей XVIII в. о разделении мира на «варварство» и «цивилизацию». Россия в этой схеме, как хорошо показал в свое время Л. Вульф [Вульф 2003], находилась на европейской периферии, что позволяло ей развиваться за счет тех импульсов, которые шли от сердца Европы и которые постепенно, но очень медленно, вытесняли из ее естества азиатчину и дес-

потизм. К началу XIX в., по мнению Наполеона, Европа оказалась перед решением грандиозной задачи обретения своего цивилизационного и политического единства. Однако Россия была не готова принять подобный императив и превратилась тем самым в главное препятствие на пути европейского прогресса. Обладая рядом благоприятных для нее геополитических характеристик, соединенных с полупримитивным уровнем общественной жизни и общественного сознания, Россия смогла не только воспрепятствовать вытеснению ее из мировой политики, но и навязать Европейскому континенту свое доминирующее господство.

Подобные взгляды на Россию и на ее место в европейском и мировом пространстве, рожденные еще в XVIII в. и закрепленные гением Наполеона, будут в дальнейшем репродуцироваться весь XIX, затем XX в., и найдут своих сторонников и апологетов в веке XXI.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. — М.: НЛЮ, 2003. 560 с.
2. Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Изд. 3-е. — СПб., 1844. Ч. 2. 300 с.
3. История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. — М.: Наука, 1978. 312 с.
4. Лас-Каз. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне. В 2 кн. Т. 2 / пер. Л. Н. Зайцева. — М.: Захаров, 2010. 560 с.
5. Постникова А. А. Наполеоновская эпоха в искусстве и мультимедийном пространстве Франции // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 221—227.
6. Постникова А. А. Русская кампания 1812 г. в исторической памяти современной Франции // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 2. 2016. Т. 148, № 18(1). С. 135—146.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 30. Д. 268.
8. Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. — М.: Олма-пресс, 2000. 380 с.
9. Archives du Ministère des affaires étrangères (AMAÉ). Série «Correspondance politique». Sous-série «Russi». Vol. 154.
10. Casanova A. Napoléon et la pensée de son temps. Une histoire intellectuelle singulière. — Paris; Ajaccio: Albiana-La outique de l'Histoire, 2008. 250 p.
11. Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. — Paris: Plon, 1897. Т. 1. 315 p.; т. 2. 338 p.; т. 3. 1899. 332 p.
12. Chuquet A. 1812. Notes et documents. — Paris: Fontemoign et Cie, 1912. Sér. 1. 215 p.
13. Essai de statistique de l'Empire de Russie // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 961. Франция. FIV. № 160.
14. Fouché J. Mémoires. — Paris: Le Rouge, 1824. Т. 2. X, 418 p.
15. Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve cosigné, jour par jour... — Paris: L'Auteur, 1823. Т. 1. 240 p.
16. Masson F., Biagi G. Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786—1793). Paris: Ollendorff, 1895. Т. 1. 515 p.; Т. 2. 537 p.
17. Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. — Paris: H. Pion; J. Dumain, 1868. Т. 23. 369 p.
18. Tomiche N. Napoléon écrivain. — Paris: A. Collin, 1952. 347 p.
19. Villemain A. F. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. — Paris: Didier, 1856. Т. 1. 494 p.

V. N. Zemtsov
Ekaterinburg, Russia

RUSSIA THROUGH THE EYES OF NAPOLEON

ABSTRACT. *The article is devoted to the ideas of Napoleon Bonaparte about Russia and the Russians. The author comes to the conclusion that those representations had their bases in the judgment of the French Enlightenment of the XVIII century on the division of the world into "barbarism" and "civilization". Russia in this scheme was on the European periphery, which allowed her to develop at the expense of those impulses which came from the heart of Europe and gradually, but very slowly, forced Asiatic despotism out of her nature. According to Napoleon, Europe was faced with the decision of the daunting tasks of finding its civilization and political unity by the beginning of the XIX century. However, Russia was not ready to take such imperative, and thus transformed into the main obstacle to European progress. With a number of favourable geopolitical characteristics, and in spite of semi-primitive level of public life and public consciousness, Russia was able not only to prevent the push out of the world politics, but it even imposed on the European continent its domination. Such views on Russia and its place in European and world space, were born in the XVIII century and enshrined by the genius of Napoleon, they will continue to be reproduced for 200 years until today.*

KEYWORDS: *image of Russia; Napoleon; Napoleonic wars; imagology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zemtsov Vladimir Nikolaevich, Doctor of History, Head of Department of General History, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Modern and Contemporary History of Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Vul'f L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya. — M. : NLO, 2003. 560 s.
2. Zhomini A. Politicheskaya i voennaya zhizn' Napoleona. Izd. 3-e. — SPb., 1844. Ch. 2. 300 s.
3. Istoriya v entsiklopedii Didro i d'Alamberta. — M. : Nauka, 1978. 312 s.
4. Las-Kaz. Memorial Svyatoy Eleny, ili Vospominaniya ob imperatore Napoleone. V 2 kn. T. 2 / per. L. N. Zaytseva. — M. : Zakharov, 2010. 560 c.
5. Postnikova A. A. Napoleonovskaya epokha v iskusstve i multimediyom prostranstve Frantsii // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 221—227.
6. Postnikova A. A. Russkaya kompaniya 1812 g. v istoricheskoy pamyati sovremennoy Frantsii // Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 2. 2016. T. 148, № 18(1). S. 135—146.
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 30. D. 268.
8. Sirotkin V. G. Napoleon i Rossiya. — M. : Olma-press, 2000. 380 s.
9. Archives du Ministère des affaires étrangères (AMAÉ). Série «Correspondance politique». Sous-série «Russi ». Vol. 154.
10. Casanova A. Napoléon et la pensée de son temps. Une histoire intellectuelle singulière. — Paris ; Ajaccio : Albiana-La outique de l'Histoire, 2008. 250 p.
11. Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. — Paris : Plon, 1897. T. 1. 315 p. ; t. 2. 338 p. ; t. 3. 1899. 332 p.
12. Chuquet A. 1812. Notes et documents. — Paris : Fontemoign et Cie, 1912. Sér. 1. 215 p.
13. Essai de statistique de l'Empire de Russie // Rossiyskaya natsional'naya biblioteka. Otdel rukopisey. F. 961. Frantsiya. FIV. № 160.
14. Fouché J. Mémoires. — Paris : Le Rouge, 1824. T. 2. X, 418 p.
15. Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve cosigné, jour par jour... — Paris : L'Auteur, 1823. T. 1. 240 p.
16. Masson F., Biagi G. Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786—1793). Paris : Ollendorff, 1895. T. 1. 515 p. ; T. 2. 537 p.
17. Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. — Paris : H. Pion ; J. Dumain, 1868. T. 23. 369 p.
18. Tomiche N. Napoléon écrivain. — Paris : A. Collin, 1952. 347 p.
19. Villemain A. F. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. — Paris : Didier, 1856. T. 1. 494 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.